

«Я не нужен папе»

В хирургическое отделение Русаковской больницы Мирошу доставили из детского дома в тяжелом состоянии.

— Аппендицит, — констатировали врачи. — Нужно немедленно оперировать. — И, как водится в таких случаях, попросили воспитательницу Александру Николаевну Верховскую, доставившую мальчика, дать письменное согласие на операцию.

Александра Николаевна замаялась.

— Видите ли, — сказала она, — у ребенка есть отец. Это должен сделать он.

Телефонный звонок из больницы встревожил папу Мирончика. Нет, отнюдь не потому, что он узнал о тяжелой болезни сына. Предстояло испытать определенные неудобства — выезжать в такой поздний час из теплой квартиры, трястись в машине... А это больше всего беспокоило его.

— Раз нужно оперировать — значит нужно. Считайте, что я согласен, — самоотверженно сказал папа. И небрежно добавил: — А насчет этой самой расписочки, формальностей, так сказать, нельзя ли подождать до завтра?

Начать переговоры с «любящим» отцом не позволяло время — мальчика положили на операционный стол. Лишь на следующий день папа Мирошу пожаловал в больницу, чтобы исполнить требуемую «формальность». Это было его первое и последнее свидание с медицинским персоналом, единственная жертва, которую он принес на алтарь родительской любви.

Нет, не такими привыкли видеть родителей сотрудники Русаковской больницы. Всеми правдами и неправдами добиваются папы и мамы разрешения «на минуточку» увидеть врачей, услышать от них несколько успокаивающих слов о

здоровье своих детей. И вдруг такое безразличие к судьбе больного сына, такое поразительное равнодушие...

Приветливый и общительный Мироша завоевал сердца работников больницы. У его постели часто, может быть, чаще, чем у других, присаживались врачи и сестры.

— Ты скоро поправишься, — утешали его, — придет папа и заберет тебя отсюда.

Мироша нахмурился, и в его глазах заблестели слезы.

— Я не нужен папе, — грустно сказал мальчик, — он не хочет, чтобы я жил с ним.

Ито же он, этот, с позволения сказать, отец? Быть может, это инвалид, которому не под силу заботиться о воспитании ребенка? Или вдовец, на руках которого осталась большая семья? Ни то, ни другое. Папа маленького Мироши вполне обеспеченный, в расцвете сил и здоровья человек. А зовут его Борис Эммануилович Гольдштейн.

Да, тот самый маленький виртуоз-скрипач Буся Гольдштейн, для которого в свое время государство ничего не жалело, чтобы развить его талант, помочь ему стать большим, настоящим артистом. Бусю бесплатно обучали лучшие профессора, к его услугам были драгоценные инструменты, вся страна пестовала способного мальчика. А он, став взрослым, не нашел ничего лучшего, как отказаться от своего собственного сына.

В нашей стране любят детей, не делают разницы между своими и чужими.

В детских домах отбою нет от желающих усыновить ребенка. И это подчас далеко не такие обеспеченные люди, как Гольдштейн. Почетом и уважением окружены у нас те, кто берет на себя нелегкую, но благородную задачу — заботиться о сиротах. Громом аплодисментов взрывается зрительный зал, когда в кинофильме «Дело Румянцева» холостяк-шофер добивается, чтобы ему разрешили взять на воспитание маленького Сашу из детского дома.

Тем непонятнее слышать из уст Бориса Эммануиловича:

— Я не признаю Мирона своим сыном.

Да, к сожалению, целых семь лет Гольдштейн, по существу, не признавал сына. И только по настоянию общественных организаций полгода назад он взял мальчика к себе. Но это был только ловкий ход, не более. Вскоре он развил кипучую деятельность, чтобы отделаться от сына, сдать его в детский дом.

Борис Гольдштейн не жалеет красок, чтобы очернить своего восьмилетнего сына, уверить всех в том, что он скрытен, лжив и домашнее воспитание не пойдет ему на пользу.

— Ложь, — говорит Анна Васильевна Ладощина, директор детского дома № 22. — Мироша старательный, привязчивый, с открытым сердцем ребенок.

Увидев, как тянется товарищ маленький Мирон к своим новым товарищам по детскому дому, как ласков он с воспитателями, понимаешь, что здесь нашел он свой настоящий дом, здесь, может быть,

впервые в своей маленькой, но трудной жизни обрел, наконец, семью.

И вот Борис Эммануилович Гольдштейн сидит перед нами. Он кается, бьет себя в грудь, трогательно повествует об очередном уютном гнездышке, которое мешал ему свить Мироша, и тут же не упускает случая вновь опорочить своего единственного, как он уверяет, ребенка.

— Позвольте, а разве у вас больше нет детей?

— Ах, вы, наверное, имеете в виду Элеонору? Я ее не считаю своей дочерью, ее плохо воспитывают. Впрочем, ко мне не может быть никаких претензий — материально я ей помогаю.

Приметы мелкого эгоиста, обывателя проступают в каждом его слове, каждой мысли. Не подлинная забота о детях, а боязнь за свою репутацию, нежелание испортить свою «карьеру» движут этим человеком.

— А что касается Мироши, — торопливо говорит он, — я готов исправить свою ошибку и взять его обратно.

Вновь отдать мальчика в руки отца-кукушки, себялюбца и мещанина? А надо ли это делать?

Узнав, что общественности стало известно о его поступках, Борис Эммануилович бьет отбой, торопится забрать сына, даже вернуть деньги за пребывание Мироши в детском доме.

Против этого протестуют Анна Васильевна Ладощина и ее коллеги — воспитатели. Нельзя отдавать Мирона отцу, говорят они, нельзя калечить и уродовать душу мальчика. Мы считаем своей обязанностью поставить перед судом вопрос о лишении Гольдштейна родительских прав...

Нельзя не согласиться с этим. Нельзя вместе с тем сомневаться и в том, что Борису Эммануиловичу Гольдштейну придется, наконец, держать ответ перед общественностью.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ.